

Дононбаев А.Д.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Исторические процессы в Центральной Азии с древнейших времен характеризовались геофизическим, геополитическим, геоэкономическим и геокультурным единством. Так, в XV-XVII вв. подходит к завершению первый этап на пути формирования этнических народностей Центральной Азии. Появляются этнические общности, по своим типологическим признакам твердо напоминающие народность. Эти века, по-видимому, были временем, когда этнический массив первичной народности очень медленным эволюционным путем начинает «собираться» во вторичную народность. Из общетюркского единства вычлениаются и консолидируются в самостоятельные этнические структуры казахи, каракалпаки, кыргызы, туркмены, узбеки. Из иранского массива выделяются и обособляются таджики. Но это было лишь начальной фазой еще длительного процесса. Понадобились еще столетия, прежде чем достаточно рыхлые образования народностного типа трансформировались в стройно очерченных по структуре и содержанию этнические нации.

Приблизительно к этому же времени относится становление центральноазиатской цивилизации. Это был своеобразный и особый мир, где «сопрягались» жизненные энергии разных народов, сливались в едином «тигле» различные культуры, шел непрерывный процесс «перемешивания» в большом «котле» многообразных укладов, способов и стилей жизни. «Несмотря на подобное разветвление,- отмечает А.И.Токтосунова - единство исторических корней центральноазиатской культуры несомненно». По мнению Б.А.Литвинского, данное обстоятельство, позволяет обозначить происходящие в этом регионе явления одним термином - «центральноазиатская цивилизация»¹.

Как известно, в раннее средневековье здесь встретились два мира: Иран и Туран. В течение веков, вплоть до Нового времени, можно было наблюдать как компоненты этих двух миров органично вплетались в жизненные ткани друг друга, постепенно образуя целостную систему. Фундаментом центральноазиатской цивилизации стали несколько субстратов. Во-первых, этноязыковой субстрат включает два элемента –

тюркский и таджикский. Во-вторых, технологический субстрат имеет также два компонента – земледельческое и кочевое хозяйство. В-третьих, духовно-мировоззренческий субстрат базируется на исламской религии с определенными вкраплениями других верований. В-четвертых, ментально-психологический субстрат состоит, на мой взгляд, из двух ярко выраженных взаимосвязанных свойств: 1) толерантности и 2) адаптационности. И наконец, в-пятых, речь должна идти о специфических чертах культурного субстрата. Он складывался на основе выработанной в течение многих веков исторической привычки центральноазиатских народов воспринимать все новое, входящее извне, через призму толерантного отношения и адаптационного освоения окружающего мира.

Поэтому в данном субстрате достаточно органично совместились иранские и туранские элементы, тэнгрианские, зороастрийские и прочие религиозные верования. Однако решающую роль, на мой взгляд, сыграла совместимость догматов исламской религии с патриархально-общинными принципами жизне-устройства центральноазиатских народов, воплотившимися в нормах обычного права (адата) и родовых традиций (салта). Постепенно нормы адата и салта трансформировались в моральные представления и «кристаллизовались» в этических понятиях и категориях.

Таким образом, одна из фундаментальных черт, отличающих Центральную Азию от других регионов, состоит в ее способности, проявлявшейся многие столетия, неизменно поглощать инородные культурные и религиозные новации, не вытесняя более ранние, отлежавшиеся цивилизационные пласты. Так, в странах Ближнего и Среднего Востока, в центре мусульманского мира, ислам поглотил предшествующие цивилизации и вобрал в себе их наследие. При этом они перестали существовать как системное целое, например, зороастрийская цивилизация древнего Ирана. Либо сохранились их небольшие анклавы, например, христианские общины Ближнего Востока. К северу же от этого пространства, а именно в Центральной Азии, исламская цивилизация сосуществовала с другими цивилизациями, не ассимилируя их, и в то же время, не утрачивая своей системной целостности и связи с остальными частями мусульманского и немусульманского мира. Религиозную ориентацию мусульман Централь-

¹ См.: Центральная Азия и культура мира. Международный научно-образовательный журнал. – Бишкек – 2006. - № 1-2 (19-20). – С.101; Азия – диалог цивилизаций. – СПб: 1996. - С.192.

ной Азии следует отличать как от шиитского, так и суннитского фундаментализма Ближнего и Среднего Востока.

В данном процессе три фактора сыграли свою направляющую роль. Во-первых, в центральноазиатский регион ислам проникал преимущественно усилиями торговцев и миссионеров. Во-вторых, геополитические и геоэкономические условия определили либерально-толерантную природу местного ислама. Край был весьма обширным, в жизненной среде взаимодействовали два элемента – культура оазисов, земледельцев и культура пастбищ, кочевников. Это обстоятельство приводило к тому, что этнодемографическая ситуация была динамичной. Этноты постоянно перемешивались. Такого рода условия позволяли приспособиться и укрепиться на местной почве лишь известной своей либеральной ориентацией ханифитской школе ислама.

Следовательно, центральноазиатская культура представляет собой своеобразный синтез различных компонентов. Народы Центральной Азии являются одновременно как мусульманами, так и евразийцами. Становление евразийской цивилизационной общности берет свое начало со времен татаро-монгольского нашествия во главе с Чингис-ханом и Бату-ханом в XIII в. С той далекой эпохи постепенно, даже можно сказать весьма замедленными темпами, закладывается ментально-мировоззренческое, культурно-историческое и нравственно-психологическое пространство единой евразийской цивилизации. Московское государство и Российская империя поворачиваются лицом к Азии. Влияние России в Азии особенно усиливается, начиная с XVI в., когда Иван IV вначале завоевал Казанское ханство, а после устремил свои взоры на азиатские земли Сибирского ханства. Эти державные устремления получили мощный импульс при Петре I в XVIII столетии, продолжаясь в его преемниках. Во второй половине XIX в. обширная территория Центральной Азии, в том числе Кыргызстан, оказалась вовлеченной в состав Российской империи. Евразийская струя в их культуре позволяет им принять и освоить такие западные новации, как *политическая демократия и рыночная экономика*. Исламская же струя ханифитского толка помогает сохранить нравственные ценности *справедливости, равенства, совести*, и наряду с этим не оказывать жесткого сопротивления европейским веяниям, связанным с индивидуальной свободой, конкурентной борьбой и предприимчивым характером.

Данное обстоятельство является серьезной геокультурной основой формирования в перспективе единого геоэкономического пространства Центральной Азии. Территория стран Централь-

ной Азии равняется 3516, 8 тысяч км. (15,9% территории СНГ), численность населения превышает 50 млн. человек (около 18% численности населения СНГ). Это огромный, еще недостаточно освоенный рынок. Регион обладает большими запасами природного, а также агропромышленного сырья, что делает его весьма привлекательным для иностранных инвестиций. Так, в частности 20% угля, 18% газа, 33% золота, 26% растительного масла, 92% хлопка, добываемого и производимого в бывшем СССР приходилось на этот регион. Начало процессам сближения в регионе было положено в 1993 г., когда Казахстаном и Узбекистаном было подписано Соглашение о мерах по углублению экономической интеграции на 1994-2000 гг. В январе 1994 г. главы этих государств подписали Договор о создании Единого экономического пространства, а 30 апреля того же года был подписан Договор о создании Единого экономического пространства между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном (ЦАЭС). 26 марта 1998 г. к Договору присоединился Таджикистан. Были утверждены такие совместные институты стран Центральной Азии, как – Межгосударственный Совет, Совет Премьер-министров, Совет министров иностранных дел, Исполнительный комитет, Центрально-Азиатский банк сотрудничества и развития и другие образования.

Можно говорить о внешних и внутренних факторах, толкающих страны Центральной Азии к созданию единого экономического пространства. И, наоборот, препятствующих данному процессу. Одной из фундаментальных черт современной глобализации, как известно, оказывается предельно обострившаяся международная торгово-экономическая конкуренция. Причем конкуренция разворачивается не только и не столько между отдельными государствами, а сколько между отдельными регионами. Возникновение и развитие региональных экономических организаций есть отражение данного явления. По большому счету ни одна страна, даже крупная, в условиях глобализации не способна одна справиться с напором торгово-экономической конкуренции. И поэтому императивом XXI века становится образование региональных объединений. Именно по этой причине возникли такие организации, как – Европейский Союз (ЕС), Североамериканское соглашение о зоне свободной торговли (НАФТА), АСЕАН-АТЭС (Объединения стран Восточной и Юго-Восточной Азии) и т.д.

Следовательно, региональные интеграционные процессы все больше определяются растущими под воздействием глобализации требованиями внешней среды, усиливающейся международной конкуренцией. Глобализация усиливает междуна-

родную конкуренцию настолько, что требует от государств приложения максимума усилий, чтобы на основе международного разделения труда занять достойное место в системе мирового хозяйства. В этих условиях государства используют региональную экономическую интеграцию как способ образования на базе объединения хозяйств ряда стран новых, более сильных и конкурентноспособных на мировом рынке экономических единиц - интеграционных блоков.

В этой связи критерием успешного развития любой страны в настоящее время становится ее конкурентноспособность. Именно этот критерий определяет эффективную экономику, а в целом умную политику страны. Недаром современный Казахстан поставил перед собой амбициозную задачу уже в первой половине нынешнего столетия войти в число 50-ти конкурентноспособных стран мира. Таким образом, время одиночек закончилось. Мы вступили в эпоху, когда конкурируют, находясь внутри какой-то команды. Так же, как в футболе и баскетболе, уровень организации команды позволяет опережать соперников. Причем совокупная мощь команды превращается в первостепенный фактор успешного продвижения вперед.

Зададимся естественным вопросом: почему благополучный, расцветающий Европейский Союз не успокаивается и принимает в свой состав все новых членов? В последние годы туда вошли Польша, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония и другие. На первый взгляд кажется, что эти новые члены будут обузой, станут тормозом для динамичного развития. Или другой пример. Почему такой умный политик, как Президент Казахстана Н.Назарбаев уже в течение более десятилетия неустанно призывает к созданию единого евразийского и центральноазиатского экономического пространства? Но ведь, казалось бы, Казахстану, взявшемуся за решение сложнейшей задачи – войти в число 50-ти конкурентноспособных стран – нет резона объединяться с экономически слаборазвитыми Кыргызстаном и Таджикистаном.

И еще один существенный момент. Многие аналитики утверждают, что в XXI в. ведущие позиции в экономике безраздельно переходят к развитым странам, тогда как участь развивающихся стран заключается в том, чтобы быть постоянно в роли догоняющих. Существует тезис, согласно которому страны и регионы, перешедшие порог постиндустриальной цивилизации уже недостижимы для остальных. Итоги первой в постиндустриальную эпоху попытки «догоняющего» развития позволяют сделать вывод, в соответствии с которым ни одна хозяйственная система не способна в

современных условиях к быстрому развитию без широкомасштабного заимствования технологий и знаний у развитых наций, без активного экспорта собственных продуктов на рынки постиндустриальных стран, поскольку именно они обладают достаточным платежеспособным спросом. Накануне нового столетия в мире объективно сложилась ситуация, не позволяющая ни одной из стран войти в постиндустриальное сообщество без его согласия и без его активной поддержки. Постиндустриальный мир вступает в XXI в., не имея себе достойных соперников².

Характерно, что в той же степени, в какой люди, обладающие сопоставимым интеллектуальным потенциалом, стремятся в постиндустриальных странах к консолидации и противостоят представителям прочих социальных слоев как целостная общность, сами эти страны все более явно обособливаются от других государств и народов. С середины 1960-х годов, когда в экономиках указанных стран начали зримо проявляться постиндустриальные тенденции, торговые и инвестиционные потоки стали замыкаться в границах так называемого первого мира. В 1953 г. индустриально развитые государства направляли в страны того же уровня развития 38% общего объема своего экспорта, в 1963 г. 49%, в 1973 г. – 54, а в 1990 г. – уже 76%³. Наконец, во второй половине 1990-х годов сложилась ситуация, когда только 5% торговых потоков, начинающих или заканчивающихся на территории одного из 29 государств-членов ОЭСР, выходят вовне этой совокупности стран, а развитые постиндустриальные державы импортируют из развивающихся индустриальных стран товаров и услуг на сумму, не превышающую 1, 2% из суммарного ВВП.

Таким образом, новая стадия мирового развития благоприятствует развитым странам. В целом ряде жизненно важных сфер им нет необходимости прибегать к каким-то особым мерам для того, чтобы утвердить свое превосходство, например в таких ключевых областях, как финансы, информационные сети, средства массовой информации. Другим стратегическим оружием этих стран и регионов являются высокие технологии. Занимая ведущие позиции почти по всем направлениям научно-технического прогресса

² Иноземцев В.Л. Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. – 2000. - № 6. – С.35.

³ Krugman P. Peddling Prosperity. Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminishing Expectations. – N.-Y. – L.- P. 231; Kenwood A.G., Loughheed A.L. The Growth of the International Economy 1820-1990. An Introductory Text. – L.-N.-Y. – P.288.

са, мир развитых стран обладает большими преимуществами в области открытий и изобретений, закрепляет их системой патентов и лицензий, а затем спокойно переплавляет в техническое (включая военно-техническое) превосходство. Это дает ему возможность снимать сливки с новых товаров и услуг на мировых рынках, получать монопольную прибыль, наращивать экономическое превосходство.

Остальным приходится ждать, лимитировать, догонять. Не меньшее значение имеют те позиции, которые развитый мир занимает в основных международных организациях, особенно финансовых и экономических, таких как «семерка-восьмерка», Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития и другие. Через эти организации он определяет глобальные правила игры, разумеется, в желательном для себя виде.

Капризы современной истории таковы, что расставляет она целые народы и страны в разных концах громадного по своей протяженности спиралевидного витка цивилизационного развития. Говоря проще, Евразия, а также ее органичная часть Центральная Азия, лишь приступает к той работе, которую Европа уже закончила. Драматизм ситуации проявляется в том, что страны Европейского союза уже завершили этап национально-государственного строительства, а страны евразийского и центрально-азиатского сообщества находятся в начале такого пути. Выражаясь образно, европейцы навели порядок в своих национальных квартирах, все разом вышли на балкон и в процессе интенсивного общения, нашли общий язык, начали благоустраивать свой общеевропейский региональный дом. Их дом готов выдержать любые штормы и ураганы, которые рождаются в пучине современных глобализационных потоков.

Центрально-азиатские страны, к сожалению, заперлись в своих квартирах и в редких общении друг с другом придерживаются позиции, в которой сквозит подозрительность в отношении того, как бы «сосед не ущемил мои интересы». Беда в том, что ныне, в эпоху стремительно наступающей глобализации, такая позиция оказывается чрезвычайно уязвимой. Знамением времени становится международная торгово-экономическая конкуренция не отдельно взятых стран, а целых регионов. На мировых рынках утверждается новая форма соперничества: группа стран против группы стран. Государства, сумевшие быстрыми темпами и адекватными механизмами создать дееспособный региональный союз, в конечном счете оказываются в

выигрыше. Здесь действует интегральный эффект системной кооперации и интеграции.

В таких условиях, естественно, лишь объединение в экономические регионы и блоки может обеспечить завоевание собственного и чужого рынка для той продукции, которая производится своими товаропроизводителями. Создание таких блоков, в частности на евразийском и центрально-азиатском экономическом пространстве, отдало бы огромный регион и необходимый рынок сбыта в распоряжение стран с более слабой экономикой, что им жизненно необходимо для создания «критической массы» производства и продаж, в которых они остро нуждаются для того, чтобы стать конкурентноспособными. Регионализм создает основу взаимодействия стран. А взаимодействие – это единственная торговая политика, которая может быть эффективной в мировой экономике с сопернической торговлей.

Вместе с тем не удается пока достичь опережающих темпов интеграции стран Центральной Азии в связи с тем, как это ни парадоксально, что существует объективное противоречие между объективно действующими геополитическим и геоэкономическим факторами. Европейские страны в течение ряда веков строили свое национальное государство. Долго шли по пути формирования национального рынка и национального самосознания. Этот период неизбежно потребовал своего рода обособления европейских государств. Процесс «кристаллизации» институтов Европейского Союза в интегральную систему начался лишь в 50-х годах XX века и завершился в какой-то мере в 90-е годы ушедшего столетия. Закономерно, что Европа в настоящее время избавляется от всех барьеров, мешающих эффективному межгосударственному общению.

Постсоветские страны находятся лишь в начальной стадии созидания своих национально-государственных структур. К нашему счастью, СНГ стал более или менее удачной организационной формой, позволившей новым постсоветским государствам осуществить цивилизованный развод и разойтись по своим национальным квартирам без кровавых конфликтов и войн. В своем стремлении обособиться некоторые страны СНГ возвели на границах такие мощные частоколы из колючей проволоки, что и мышь не проскочит, а человеку, тем более.

Наряду с этим, исторический опыт развитых стран показывает, что этап национально-государственного строительства невозможно миновать. Он является совершенно необходимым условием достаточного взросления и обретения зрелости любой страной. Это примерно то же

самое, как ребенку нельзя миновать детство и юность на пути к взрослой жизни. Поэтому Евразийское сообщество государств вынуждено одновременно решать как бы две противостоящие задачи. С одной стороны, развивая рыночный механизм, налаживать экономические связи внутри каждой страны, создавать единый национальный рынок и формировать единое национальное самосознание. Эта задача может быть успешно решена лишь в процессе строительства национального государства. С другой стороны, современная глобальная ситуация, когда региональное объединение государств становится жизненно необходимым фактором выживания и развития, опережающий ход интеграционных процессов между странами СНГ является единственно верным историческим выбором.

Так что, инерция дезинтеграции по-прежнему продолжает действовать. В данной связи возникают вопросы, которые требуют четкого ответа. Сколько, со времени образования СНГ было встреч лидеров наших стран в попытках сколотить: то общую экономическую зону, то таможенный союз, то единый рынок? Как видим, реально, по-настоящему, такие программы пока еще не заработали. В этих условиях, возможно ли совместить дезинтеграцию и реинтеграцию постсоветских государств? Возможно ли, одновременно двигаться и вперед, и назад? Не станут ли предпринимаемые усилия очередными благими намерениями?

Некоторые политики считают, что процесс реинтеграции, т.е. образование единого экономического пространства постсоветских стран, не достигает цели, потому что не хватает, в достаточной мере, политической воли лидеров СНГ. На самом деле это не так. Распад СССР и образование СНГ означал дезинтеграцию единого народнохозяйственного комплекса на раздробленные национальные фрагменты. И этот процесс продолжается до сих пор. Создание полноценного национального рынка, консолидирующего путем укрепления экономических связей все регионы страны в одну целостность, невозможно реализовать без доминирования внутреннего взаимодействия над внешними.

Однако, тем и интересен европейский опыт, что его надо знать, но не обязательно самим проходить. Бег современной жизни стремителен. За время одного поколения совершается столько изменений, сколько за десять поколений в прошлые времена. К тому же, в отличие от европейских народов, у нас был исторически ценный опыт проживания в единой советской стране.

Разумеется, нельзя в одно и то же время идти вперед и назад. Но, на мой взгляд, совместить во

времени процессы реинтеграции и дезинтеграции вполне возможно. При этом важно, чтобы «критическая масса» реинтеграционных тенденций определяла и направляла характер точек проявления дезинтеграции. Как показывает современная жизнь, процессы дезинтеграции стран СНГ в последнее время достигли определенного «предела насыщения». Что же, как известно, вслед за отливом, следует прилив. По всему заметно, сколь повысилась заинтересованность стран СНГ к сотрудничеству и образованию совместных экономических институтов.

Ни одна страна, входящая в Центральную Азию, естественно, не откажется от защиты собственных национальных интересов. Весь вопрос: как понимать национальные интересы? Вся прошлая история международных отношений свидетельствует, что поведение государств, отстаивающих свой национальный интерес, зачастую было проявлением так называемого национального эгоизма. Даже в моменты сотрудничества, государства смотрели в разные стороны. Это вполне объяснимо. Каждый сам за себя. Знаменем нынешнего времени является то, что региональные союзы все чаще берут на себя функции защиты национальных интересов всех своих членов. Яркий пример Европейский Союз.

Представляется, что самым серьезным препятствием для центрально-азиатской интеграции, особенно ее высших, наиболее развитых форм, являются различия в экономических механизмах, сложившихся в результате несовпадения моделей реформ, невозможность быстрого преодоления серьезных расхождений в экономических моделях перехода к рынку. Разное понимание сущности национальных интересов и подходов к обеспечению экономической безопасности страны затрудняют и в ряде областей делают невозможной эффективную интеграцию.

Речь идет о коренном изменении модели поведения государств, о формировании солидаристской идеологии взаимодействия стран Центральной Азии. Совершенно правомерно целями и задачами интеграции центрально-азиатского региона были провозглашены: ускорение экономического, социального и культурного развития её государств-членов на основе сотрудничества и взаимопомощи; содействие установлению мира и стабильности в регионе на основе соблюдения справедливости и законности в отношениях между странами и приверженности принципам Устава ООН, поддержание взаимовыгодного сотрудничества с общими и региональными международными организациями, имеющими сходные цели.

Принцип деятельности интеграционных институтов Центральной Азии должен осущест-

вляться таким образом, чтобы каждому участнику создать максимум условий, что в сумме позволит всем вместе уходить вперед от других команд. Например, решать задачу активной либерализации рынка стран-участниц регионального объединения, указывая на необходимость расширения взаимного импорта и предоставления друг другу капитала, а также новейшей технологии. И тогда реально проявится интегральный эффект системной кооперации и интеграции.

По-видимому, на первом этапе центрально-азиатский регионализм должен возникнуть как средство утверждения национального интереса. Ощущая свою слабость, страны Центральной Азии дошли до мысли об утверждении национального «я» посредством объединенных усилий. Центрально-азиатская интеграция не должна в данный период ориентировать на размывание государственных границ. Это не соответствовало бы времени. Укрепляя их, вместе с тем вести работу по тщательной взаимной «притирке» всех условий сближения и интеграции. Деятельность стран ШОС должна характеризоваться подчеркнутой планомерностью, равенством и отсутствием заинтересованности в отсталости отдельных стран. Структура экономического сообщества Центральной Азии изначально не должна предусматривать выделения в качестве лидера какой-либо страны, ведущей за собой всех остальных и претендующей на гегемонию.

Экономическое сообщество Центральной Азии должно последовательно придерживаться принципа мягкой выработки регионального консенсуса – сближение взглядов через постепенные, многократные обсуждения, в ходе которых если и не преодолеваются принципиальные разногласия, по крайней мере, возникает реальное представление о контурах зоны несовместимости интересов, если таковая возникает. Иначе можно сказать, что малые и средние страны убеждают лидеров в приемлемости для них, если не всего набора конкретных условий регионального взаимодействия в вопросах безопасности, стабильности, сотрудничества, то, по крайней мере, его формы.

В данной связи для стран Центральной Азии наступает некий «момент истины». Надо найти оптимальный механизм взаимосочетания процессов строительства национальной государственности в отдельно рассматриваемых странах и образования экономически и политически дееспособного союза стран центрально-азиатского региона. Видимо, это тот самый «магический

ключ», с помощью которого окажется возможным открыть «запертую дверь» в стремительно удаляющееся будущее.

Итак, делая выводы, можно акцентировать внимание на таких пунктах, как:

экономический рост, явно наблюдающийся в последнее время в Центральной Азии происходит в условиях, когда политические системы стран региона все еще существенно различаются;

именно данное обстоятельство в значительной степени повлияло на различие концепций перехода к рыночной экономике;

Казахстан и Кыргызстан вслед за Россией опирались не методы «шоковой терапии», ускоренной ликвидации старых управленческих структур и форсированного создания рыночных институтов;

Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан пошли по пути эволюционных преобразований, сохраняя методы государственного регулирования экономики;

региональное хозяйственное сотрудничество осложнено из-за наличия разных систем управления экономиками;

в данной связи экономическая интеграция, по-видимому, должна носить постепенный и планомерный характер, затрагивая те сферы, где ситуация уже созрела для объединения;

поэтапный характер интеграционных процессов предполагает последовательное прохождение: 1) создание зоны свободной торговли, 2) образование единой таможенной системы, 3) развитие единого рынка товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и т.д., 4) возникновение единой валютной системы, 5) формирование общих наднациональных политических институтов;

в целом интеграционные процессы должны иметь разноскоростной и многоуровневый характер, что создает основу для одновременной интеграции стран как в рамках ШОС и ЕврАзЭС, так и ЦАЭС;

регионализация в Центральной Азии очень медленно обретает институциональные очертания, здесь сильна тенденция расхождений между формальными и неформальными нормами;

включенные в регион Центральной Азии страны различаются по таким показателям, как уровень развития, обеспеченность природными ресурсами;

пестрота уровней развития предполагает постоянно меняющийся ландшафт соотношения сил между странами Центральной Азии, а также остальным миром.